

А.С. Хомяков

Светлое Воскресение

Сказочная повесть

А.С. Хомяков

Светлое Воскресение

СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

ХВ

Издательство
Лепта
Миссия слова®
Лепта Книга
Москва
2010

Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви
Код Издательского Совета ИС 10-09-0596

Иллюстрации
Ю. Тимошенко, С. Иванова

Хомяков А.С.

Светлое воскресенье: Сказочная повесть. — М.: Лепта Книга, 2010. — 64 с.: цв. ил.

ISBN 978-5-91173-218-9

В этой небольшой повести-сказке великого русского философа А.С. Хомякова (1804—1860) рассказывается о величайшем чуде, о чуде преображения человеческой души. Даже самая черствая, самая жестокая и отвергнувшая любовь душа способна преобразиться, воскреснуть для новой жизни, во имя совершения подвига — подвига любви и сострадания к ближнему. Но для этого душа должна прозреть, увидеть всю ту бездну, в которую загоняет себя человек своей жестокостью, алчностью, завистью. А прозрение возможно только благодаря милости Божьей... Каким тяжким и мучительным бывает избавление от духовной слепоты!

Близится великий праздник Светлого Христова Воскресения. Все люди готовятся к празднику, их души полны любви и прощения. И лишь жадный, ненасытный скряга Скруг не разделяет всеобщей радости. Для него любые праздники — убытки, Светлое Воскресение — «пустяки», и сам вид человеческого счастья вызывает у Скруга приступ ненависти. И тогда к Скругу приходят три таинственных вестника, которые разворачивают перед ним всю его жизнь — его прошлое, настоящее и страшное будущее...

Книга адресована детям младшего и среднего школьного возраста.

ISBN 978-5-91173-218-9

© ООО «Издательство «Лепта Книга», оформление, 2010.

ГЛАВА I

Проходя по ... улице, нельзя не заметить большой вывески с полуистертою надписью: «Контора маклера Скруга и Марлева». Хотя, впрочем, Марлева уже семь лет как не было на свете, но его товарищ забывал до сих пор стереть имя покойного с вывески, и контора продолжала по-прежнему слыть под именами обоих. Сам Скруг нередко откликался даже на то и на другое имя.

То был старый, жадный, ненасытный скряга, неутолим, как камень, молчалив, как рыба, скрытен и нелюдим, как улитка. Отсутствие всякой теплоты душевной отражалось во всем его существе и, казалось, оледенило его старое, вытянутое лицо, провело ранние морщины по

впалым щекам, сделало его походку неповоротливой и тяжелой. Маленькие красноватые глаза, тонкие синие губы, сильный и грубый голос дополняли портрет нашего скряги. Его волосы и брови были седые, словно их занесло снегом, и где бы он ни был, куда бы ни шел, всюду от него так и веяло холодом.

Никто никогда не останавливал его на улице с веселым вопросом: «Здоровы ли вы, г. Скруг? Когда же вы ко мне?» Никогда нищий не подходил к нему; никогда ребенок не осмеливался спросить у него: «Который час, сударь?» Никто и никогда не попросил его указать себе дорогу; даже собака слепого сторонилась от него, — отводила к уголку своего хозяина и, махая хвостом, казалось, хотела сказать: «Никогда не видывала я такого сердитого господина и с таким дурным глазом». Но что за дело было до всего этого нашему маклеру? Он умел жить только про себя и для себя одного.

Однажды, накануне Светлого Воскресения, он сидел за счетами в своей конторе. Святая была ранняя, было холодно и туманно, и сам Скруг часто прислушивался, как прохожие хлопали руками и топали о тротуары, чтобы согреть ноги. На башне только что пробило шесть часов, и уже становилось темно. Скруг сидел за большим столом, возле печки, и нередко приподнимался, чтобы согреться у догоравшего огня; а бедный писарь, сидевший у окна за большими конторскими книгами и не смевший сойти с места, отогревал или, скорее, обжигал свои окостенелые пальцы на стоявшем перед ним сальном огарке.

— Поздравляю вас с завтрашним праздником, дядюшка! — вскрикнул вдруг веселый голос. То был его племянник.

— А! — сказал маклер. — Все пустое, что за праздник?

— Светлое Воскресение — пустое, дядюшка? Вы, верно, сказали не подумавши, — отвечал племянник.

— Не мое дело, — сказал Скруг. — Праздник! Да какое право ты имеешь праздновать? Разве ты так разбогател?

— Ну, а вы какое имеете право быть таким сердитым, вы разве обеднели?

На это Скруг не нашелся ничего ответить и повторил свое: «А!»

— Будьте повеселее, дядюшка!

— Да с чего мне быть веселым? Разве с того, что живу в таком мире дураков? Празднуют праздники, когда к этим праздникам подходят все денежные расчеты, и на поверку выходит, что человек годом стал старше, а в кармане у него ни копейки не прибыло. Если бы у меня была своя воля, — продолжал он, — я бы всех вас, гуляк и празднующих шутов, повесил на одну осину.

— Дядюшка!

— Племянник!

— По крайней мере, оставьте других в покое, если сами не хотите знать никаких праздников и даже Светлого Воскресения!

— А много хорошего в этом праздновании, и много оно принесло тебе пользы?

— Приносит оно пользу или нет, но нельзя не любить это веселое время, уже не говоря, что оно связано со всем, что есть самого святого в нашей вере. Это одно время в круглом году, когда каждый готов открыть другому всю свою душу, когда недруги готовы снова подать друг другу руку и забыть все прошедшее, и когда все люди, высшие и низшие, равно чувствуют себя братьями в одном общем светлом торжестве! И потому, дядюшка, думаю, что и я имею от Светлого Христова Воскресения свою выгоду и пользу, если и не денежную.

— Вы, сударь, славный рассказчик!

— Ну, дядюшка, не сердитесь, а приходите-ка к нам завтра отобедать!

— Я — к тебе?

— А почему нет?

— А зачем ты женился?

— Потому что я люблю свою жену!

— Ну, довольно! Покойной ночи.

— Я от вас ничего не прошу и ничего не требую, почему бы не быть нам добрыми приятелями? Мне от всей души больно...

— Покойной ночи, — повторил Скруг.

— Вам весело по праздновать, дядюшка, — сказал, уходя, племянник и дружески пожал руку писарю.

«А вот тут еще другой молодец! — пробормотал Скруг. — С 15 рублями в неделю, с женой и детьми — туда же, хочет справлять праздник».

В это время вошло двое довольно видных господ с бумагами.

— Скруг и Марлев, если не ошибаюсь, — сказал один из них, — с которым из этих господ я имею удовольствие говорить?

— Вот уже семь лет, как скончался г. Марлев, и именно в эту самую ночь!

— Мы уверены, что вы наследовали от вашего покойного товарища всю его благотворительность...

При слове «благотворительность» Скруг насупил брови, покачал головой и подал назад бумаги.

— После прошедшей дорогой зимы столько есть нуждающихся, не имеющих никаких средств к пропитанию, особенно столько семейств, обремененных детьми, что для Светлого Воскресения...

— А разве нет рабочих домов и сотен дураков, которые подают милостыню всякому встречному? — прервал Скруг.

— Всего этого мало, и потому мы решились собрать известный капитал и составить комитет для раздачи вспоможения родителям, а для детей устроить приюты! — При этом видный господин взглянул значительно на Скруга. — Что прикажете записать от вашего имени для праздника?

— Ничего.

— То есть, вероятно, не желаете, чтобы под вашим именем...

— Я желаю одного: чтобы меня оставили в покое. Я боюсь всяких комитетов и не люблю их, так же как и детей. Притом у каждого, кажется, довольно своих дел, и не для чего мешаться в чужие. Я же постоянно занят одними своими делами. Покойной ночи, господа.

Видя ясно, что им ничего не добудется, посетители вышли, а Скруг принялся снова за свои книги.

Время было самое дурное: ветер выл и крутил снегом; ночь была такая темная, что зги не видать; кое-где дрожал слабый свет в погасающем фонаре или блестящие окна магазина кидали длинную светящуюся полосу поперек улицы; наконец пришло время затворять контору и лавки.

Скруг слез важно с высокого конторского стула, а писарь немедля задул свечку и надел шапку.

— Вы, верно, уже наперед считаете весь завтрашний день своим?

— Если позволите, сударь!

— Да, я с радостью бы позволил, если бы за то вычитывался хоть полтинник из жалования. Но вы себя сочтете обиженным! А?

Писарь улыбнулся.

— А меня вы не считаете обиженным, что плачу вам жалование за такие дни, в которые вы ровно ничего на меня не делаете?.. За то прошу быть пораньше на следующий день.

Писарь обещал и затем бросился со всех ног бежать домой, чтобы несколько отогреть окостенелые руки и ноги и застать жену и детей еще не спящими перед заутреней.

Скруг застегнул на все пуговицы свой длинный сюртук и тихим мерным шагом отправился домой, раздумывая об ужине и мягкой постели, когда все добрые люди с нетерпением ожидали радостного благовеста к заутрене.

Он занимал комнаты своего покойного товарища. То был темный, низкий ряд комнат с разными закоулками,

так что иной бы подумал, что они нарочно выстроены, чтобы играть в гулочки.

Когда Скруг подходил к двери, он невольно приостановился и стал вглядываться, хотя, впрочем, на дверях, казалось, ничего особенного не было. Но, не знаю почему, старинный резной замок показался ему не замком, а старым сморщенным лицом его старого товарища, Марлева. Впрочем, в лице ничего не было страшного; он снова стал вглядываться: и снова тот же замок, который он отпирал и запирали каждый день уже двадцать лет сряду.

Я не скажу, чтобы он испугался, но ему стало как-то неловко. Наконец, он храбро повернул ключом, взошел и зажег свечку. Прежде чем закрыть дверь, он снова заглянул, но ничего особенного не было, и он с досадой хлопнул дверью так, что громкое эхо раздалось по всему длинному ряду пустых комнат.

Проходя мимо, он заглядывал в каждый угол, под диваны, в шкафы, за ширмы... но нигде и никого не было; наконец, он дошел до своей спальни. Старый камин, изношенные туфли, умывальник на трех ножках и кочерга — все было по-старому и на своем месте.

Наконец, успокоенный, он надел халат, колпак и туфли, повернул, против своего обыкновения, два раза ключом в замке и преспокойно сел у огня; но огонь был разведен так скупно, что Скруг едва сам не влез в камин, чтобы почувствовать на себе хотя малую толику отрадной теплоты. Догоравший огарок также едва освещал почерневшие стены комнаты... Впрочем, Скруг любил темноту: ведь она даровая.

Камин был сложен из старинных кафель с выпуклыми фигурами. Когда Скруг случайно поднял глаза, ему показалось, что из-за каждой кафели выглядывает старое лицо Марлева. Скруг плюнул и отвернулся.

Вдруг громко зазвенел колокольчик, и казалось, как будто все другие колокольчики соседних квартир и до-

мов также зазвенели, соединясь в один громкий набат. Потом послышалось ему, что кто-то волочит цепями в нижнем этаже. Вот слышно, как цепи брякают по лестнице. Наконец, вот и сам Марлев перед ним. Лицо все то же, и тот же парик с хвостиком, сюртук, манжеты и длинный жилет — но за ним тащилась хвостом длинная цепь из разных стальных кошельков, кованых ящичков, замков, ключей и пр.

Тело его было прозрачно, так что Скруг, всматриваясь, заметил, что сквозь жилет видны две задние пуговицы на сюртуке.

Скруг все еще не верил своим глазам, хотя и чувствовал даже холодное дыхание своего приятеля; наконец, прихрабрившись, он решился спросить у него полушутя:

— Что вам угодно, сударь?

— Очень многое.

— Не угодно ли присесть, — сказал Скруг, поглядывая на него сомнительно. Ему казалось очень мудрено, чтоб такое прозрачное существо могло садиться; но оно, несмотря на это, преспокойно устроилось против него и продолжало:

— Ты все еще не веришь в меня и не веришь своим чувствам?

— Потому, — отвечал Скруг, — не всегда я верю им, что всякая дрянь может сбить их с пути; вы, может быть, не что иное, как недоваренный кусок говядины, или сыру, или попавшийся дурной картофель; и потом, мало ли чего не увидишь, если случайно забьется какой-нибудь вздор в голову.

Скруг нарочно храбрился, чтобы сохранить свое хладнокровие. Но когда приятель его вдруг пронзительно и с сердцем крикнул и зазвенел цепями, он ухватился за кресло, чтобы не упасть со страху. Когда же привидение развязало свой широкий галстук и нижняя челюсть упала на грудь, Скруг в ужасе упал на колена и закрыл глаза руками.

— Помилуй, пришелец из иного мира, зачем ты тревожишь меня?

— Ты, который служишь лишь миру и его золоту, теперь веришь ли, что я дух и твой старый товарищ?

— Верю, верю, но зачем ты пришел сюда, и откуда эти цепи?

— Я несу цепь, которую сам сковал себе во время жизни; я сам над нею трудился, над каждым кольцом и вершком ее, и заковал ею свою волю и совесть. Тебя она удивляет?

Скруг затрясся еще больше.

— А знаешь ли ты вес и длину той цепи, которую ты сам ежечасно куешь себе? Семь лет тому назад она была не меньше моей, а с той поры ты не переставал над нею работать! То-то будет цепочка!

Скруг оглянулся назад со страхом и сказал почти со слезами:

— Скажи хоть словечко в утешение.

— Не мне приносить утешение людям; оно нисходит с другого, высшего мира, и для него есть свои посланные.

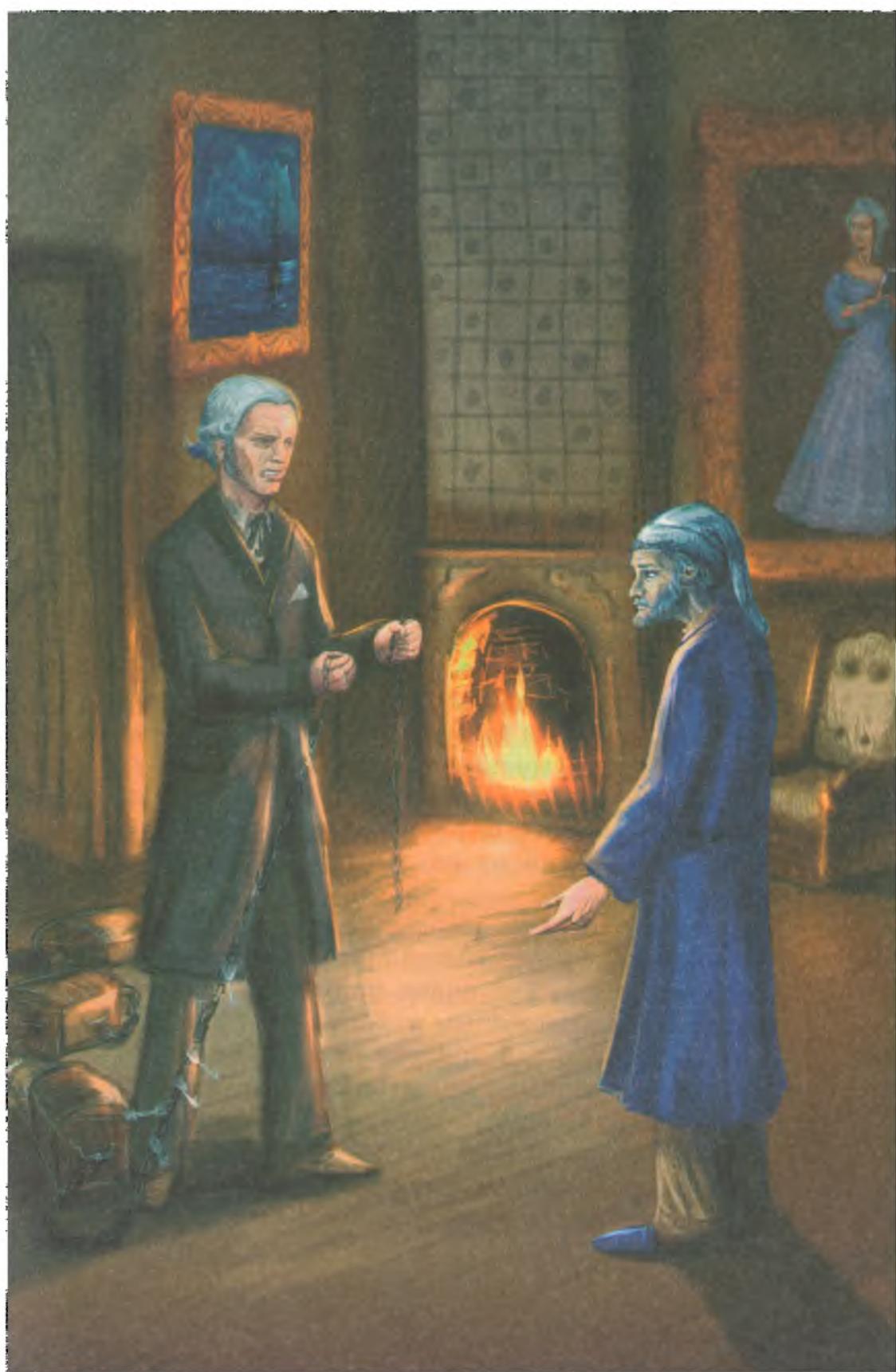
Скруг призадумался над слышанным и по старой привычке с важностью положил руки в карманы, но не подымая глаз и не вставая с колен.

— Но где же искать и найти утешение? — сказал он.

— О жалкая, заключенная, скованная душа! — сказал Марлев. — Не знать, что для каждой христианской души, со смирением творящей свое дело в своем тесном кругу, каков бы он ни был, нет минуты в ее смертной жизни, которая бы не была равно благословенна! Но я был ли таков? Увы! Нет, нет!

— Но вы были всегда хороший делец, — пробормотал Скруг.

— Делец! — вскрикнул его старый товарищ и начал с отчаянием ломать себе руки. — А много я сделал для своих ближних? Часто ли знавал милость, бывал снис-

ходителен к брату?.. — С этими словами он вытянул свою цепь и в неопишемом горе ударил ею оземь.

Последние слова товарища еще больше огорчили Скруга.

— Слушай меня, — продолжал Марлев, — мне не долго оставаться с тобою, я пришел сегодня предостеречь тебя и вместе дать тебе по старой дружбе надежду и возможность избежать моей участи. Помни, что я тебе даю ее.

— Вы всегда были моим добрым приятелем, благодарю вас.

— К тебе придут три Духа.

При этих словах Скруг повесил нос и сказал слабым голосом:

— Такову-то надежду вы мне обещали?

— Да!

— Нельзя ли обойтись без них?

— Без них... тебе не избежать моей судьбы. Ожидай первого завтра, когда колокол пробьет час.

— Но нельзя ли бы было их принять всех зараз, как я делаю с пилюлями или микстурой? — намекнул Скруг.

— Жди второго на следующую ночь, в тот же час, а третьего — на третью ночь, — продолжал Марлев, не обращая внимания на его слова. — Прощай же и не забывай меня.

С этими словами Марлев взял галстук и начал его подвязывать. Скруг заметил это по щелканью зубов, когда челюсти стали снова приходить на свое место, поддерживаемые толстым жабо.

По мере того как призрак отходил от него, окошко само собой поднималось, и он исчез в сумраке ночи. Улетая, он, казалось, подзывал своего товарища.

Скруг подошел к окошку. Небо было по-прежнему сумрачно, но в воздухе ему слышались странные звуки плача и стенания, и каждый голос, казалось, стонал себе и ему в обвинение. И тот же воздух, когда он стал всмат-

риваться, был полон, казалось ему, теней, мчавшихся туда и сюда со стоном и плачем, и каждая тень гремела своею цепью, и каждая цепь — своим особенным звуком. Ему помнилось, что многих он знал в старые годы. Между прочим, он узнал, по его манжетам и толстому жабо, одного своего старого хорошего приятеля, разумеется, такого же скрягу бездушного, как он сам. Страшная, тяжелая цепь гремела и волоклась за ним и, казалось, заставляла кружиться на одном месте, где внизу на приступке сидела оборванная старуха с плакавшим от голода и холода ребенком. Прежний скряга не мог отвести глаз от зрелища нищеты, которое он прежде только едва замечал. То протягивал он руки, то рвался подать что-то, но все безуспешно, и тень его продолжала плакать, как дитя, томиться и стонать над своим бессилием; в этом и состояло общее несчастье, как то замечал Скруг не на одном своем приятеле, но и на прочих, — в том, что перед ними раскрыты были все горести людей, их прежних братьев, и дано было все желание горячей христианской души помочь ближнему, и, казалось, даны были все средства — но невозможность низойти в прежний мир и заглядеть прежние дела возвращала их к чувству своего бессилия и вечному плачу над собою и невозвратимым прошедшим. Последняя встреча заставила Скруга еще более задуматься; и в эту минуту ему невольно представилось, что и его ожидает впереди такая же участь. Он сам не знал, была ли то какая-то странная дремота или сон, или все это виделось ему наяву. Наконец, странные звуки и бледные тени мало-помалу стали теряться в воздухе... Все стихло и по-прежнему покрылось серым густым туманом.

Скруг закрыл окошко, бросился, не раздеваясь, на постель и заснул как убитый.

ГЛАВА II

Когда Скруг проснулся, было так темно, что он едва мог разглядеть, где окошко. Начали бить городские часы, и, к его крайнему удивлению, толстый колокол ударил семь, восемь и, наконец, остановился на двенадцати. «Двенадцать, полночь, — а я лег в два утра. Верно, часы испортились: ледяная сосулька попала в колеса».

Он надавил пружину у своего репетира, и звонкий молоточек также пробил двенадцать. «Не может же быть, чтоб я проспал целый день и захватил еще ночи? Разве с солнцем случилось какое приключение, и теперь еще полдень?»

С этими словами он встал и протер рукавом замерзшее окно. На небе было также темно, и никого на улице.

Скруг снова лег в постель. Он думал и передумывал, но беспокойство все более и более овладевало им; наконец, он было уже убедил себя, что все это был сон, как вдруг часы пробили три четверти, и он вспомнил, что ему обещан новый гость к часу ночи. Эта четверть часа показалась ему необыкновенно длинна и мучительна; наконец куранты заиграли: «бим, бом, бом, динь, дон, дон». Скруг едва переводил дыхание, когда мгновенно колокол ударил свой одинокий, громкий — час. Комната осветилась, и что-то отдернуло занавесь постели.

Скруг вскочил и увидал себя лицом к лицу со странным образом. То было, казалось, лицо ребенка, но с таким строгим, спокойным взором и глубокою мыслию на челе, что, казалось, судьба сохранила зрелому мужу всю свежесть его детства. Белые, как лунь, волосы падали кудрями по плечам; казалось, что не один век уже прожит этой маленькой головкой, а между тем яркий румянец играл на щеках ее и оттенял некоторые черты. Во всех членах была какая-то нежность и детская гибкость и вместе с тем сила мужеского возраста. Его накрывала ярко-белая туника, собранная посредине поясом, блестящим всеми цветами радуги. В руках у него была пальмовая ветка, яркий свет блистал диадемой на челе, и под мышкой он держал шляпу, которая, вероятно, служила ему вместо медного колпака, которым мы гасим на ночь свечку.

— Не вы ли та особа, которой посещение возвестил мне мой приятель?

— Да, — отвечал нежный, звонкий голос.

— Не церемоньтесь у меня! Не угодно ли накрыться? Здесь холодно. — Ему очень захотелось видеть гостя в шляпе.

— Как! — и при этом маленький Дух поднял голос. — Ты уже заранее хочешь погасить этот свет, который осветит тебе твоё прошедшее и будущее?

Скруг почтительно извинился, что, может быть, его обидел, и затем осмелился спросить, чему обязан он честью такого посещения?

— Заботе о вашем благоденствии.

Скруг выразил всю свою благодарность; но вместе с тем подумал про себя, что если бы его оставили хоть на одну ночь в покое, то сделали бы гораздо больше для его настоящего благоденствия.

Видно, что гость прочел в глазах Скруга тайную мысль его и, взяв за руку, громко сказал: «Не противоречь! Встать и идти за мной!»

Скругу было бы совершенно бесполезно отговариваться, что он совсем не привык к ночным прогулкам, что постель тепла, а термометр ниже точки замерзания, что он и одет неприлично — в туфлях, халате и колпаке... Противиться было нечего: его держала рука нежная, как рука ребенка, но в которой он чувствовал всю силу Геркулеса. Он встал, но когда заметил, что его вожатый отправляется прямо к окну, в отчаянии ухватился за полу его белой туники:

— Помните, что я смертный: могу упасть и расшибиться!

— Не бойся, моя рука поддержит тебя и не на такой высоте.

С этими словами они были уже далеко и очутились среди полей на открытой проселочной дороге. Ни малейшего следа большого шумного города; туман и мрак ночи исчезли; был светлый, холодный весенний день, и снег порошил на землю.

— Боже мой, — сказал Скруг, всплеснув руками, когда он осмотрелся кругом, — я здесь родился, здесь был ребенком!

Тысяча надежд, сочувствий, радостей и забот, давно забытых, одни за другими грозным призраком вставали перед ним и словно носились в воздухе, напевая душе про все ее давно почившее, ею отверженное про-

шедшее. Казалось, новая, свежая жизнь пробежала по всем жилам.

— У вас дрожат губы и румянец выступил на щеках? — сказал с детской нежностью его вожатый. — Но пойдете; вы, я думаю, помните дорогу.

— Как не помнить! — вскрикнул Скруг с небывалым жаром. — Я бы нашел ее оцупью.

— Странно же, во столько лет ни разу не вспомнить... Но идемте.

Они пошли по дороге. Скруг узнавал каждое дерево, каждую тропинку... Наконец показался пред ними небольшой уездный городок с несколькими торчащими колокольнями, соборным куполом, вьющеюся рекою и деревянным мостом. Вот едут к ним навстречу крупною рысью несколько телег, усаженных молодыми курчавыми головками. Молодые парни побольше сидели на облучке и погоняли по всем по трем, затягивая веселую песню. Вся эта молодость, казалось, была в большой радости, хохотала, кричала, хлопала в ладоши, другие с тем же хохотом, песнями и криками шли гурьбой пешком. Скруг вспомнил, что то было Светлое Воскресение и что многие из его товарищей отправлялись тогда в соседний богатый пригород к своим отцам и матерям.

Он мог назвать почти каждого по имени; но странно: чему он так обрадовался, когда увидал их, так что сердце, казалось, готово было выпрыгнуть; отчего так засверкали давно потухшие глаза? Отчего с такою радостью он вслушивался в радостное: «Христос Воскресе. — Воистину Воскресе», — которым они менялись с каждым встречным. Какое, казалось, было дело ему до Светлого Христова Воскресения? Разве оно доставило ему когда-нибудь лишнюю копейку?

— Школа, однако же, не совсем пуста, — заметил его вожатый, — в ней остался один сирота, заброшенный и забытый всеми.

— Да, я знаю, — отвечал Скруг и закрыл глаза

руками. Они поворотили в переулочек и остановились перед небольшим серым, скосившимся набок домом. Минувая первую большую классную, уставленную засаленными столами и лавками, они вошли в другую небольшую комнату назади дома, где возле топившейся печки размыкивал свое горе бедный сирота, которого учитель оставил стеречь школу, пока он сам и все его товарищи так весело встречали Светлое Воскресение.

Скруг присел на одну из лавок и невольно заплакал над прежним самым собою, которого все забыли.

Ни один звук в пустом доме, было ли то мяуканье кошки за печкой или стон ветра в голых ветвях плакучей березы, скрип далекой двери на дворе или треск и щелканье огня в печке, — ни один звук не пропал даром для Скруга. Все говорило его душе о ее прежней детской светлой жизни; с каким-то странным наслаждением вслушивался он в каждый беглый отзвук; и каждый звук, казалось, какою-то неземною отрадою ложился в его опустелую, черствую душу. Он стал пристальнее вглядываться в прежнего себя, и невольно вырвалось у него: «Бедный ребенок».

— Я бы хотел... — и с этими словами он судорожно опустил руку в карман, но, оглянувшись кругом и отерев рукавом глаза, продолжал вполголоса: — Теперь уже поздно.

— В чем дело? — спросил его вожатый.

— Ничего, — сказал Скруг, — ничего. Вчера вечером остановился у моей двери мальчик, такой же жалкий... Я бы с радостью дал ему что-нибудь теперь, вот и все.

Дух грустно улыбнулся, махнул рукой и сказал: «Вперед!»

С этими словами сидевший у огня мальчик вдруг раздвинулся в плечах и вырос на несколько вершков; в комнате стало темно, дом вдруг пошатнулся еще более набок, окошки расселись, штукатурка попадала в разных местах. Снова стало светло, и все по-прежнему; но

как и что, Скруг ничего не мог понять: и прежний он снова один, и школа по-прежнему пуста, ибо так же было Светлое Воскресение; но в этот раз он уже не сидел, притаившись в углу, а в волнении расхаживал большими шагами по комнате.

Скруг и вместе с ним его молодой двойник с нетерпением глядели на дверь. Дверь наконец отворилась, и маленькая девочка лет девяти бросилась к нему на шею и повторяла, целуя его: «Милый, милый братец!»

— Я приехала за тобой, чтоб отвезти тебя домой, братец, — говорило дитя, смеясь от радости и хлопая ручонками, — домой, домой!

— И совсем домой, Катя?

— Да, да! — отвечало дитя, сверкая глазенками. — Домой и навсегда, так, чтобы тебе не возвращаться больше в эту скучную школу. Дядюшка стал гораздо добрее к нам, так что я раз решилась спросить у него: «Пора бы домой братца, дядюшка?» — и он отвечал мне: «Да, пора, и поезжай сама за ним, Катя, со старым Иваном».

— Ты, однако ж, уже совсем большой человек, Петя, — сказала она, призадумавшись немного, и вытаращила на него глазки. — Но что за дело: мы с тобой вместе всю Святую... О, если бы ты знал, какое у нас веселое время, другого нет такого в году!

— Да и ты совсем невеста, Катя.

Она прыгала и хлопала в ладоши, то смеялась, то плакала, хотела раз погладить его по голове, но не достала, снова хохотала и встала на цыпочки, чтобы снова поцеловать его. Потом ну тащить его ручонкой к двери; а он, разумеется, не противился.

Вдруг раздался осиплый голос: «Снести вниз пожитки господина Скруга!» — и вслед за тем показался сам учитель, длинный и худой, и с величественной, но вместе благосклонной улыбкой, погладив детей по головкам, взял их за руки и повел в соседнюю комнату, где

уже накрыт был на стол завтрак: красные яйца, куличи и пасха. Дети поели, поблагодарили учителя и с радостью распростились с ним. Все было уложено, колокольчик зазвенел, и кибитка покатилаься.

— Какое нежное создание! Но ему завянуть от первого подувшего ветра! — сказал призрак, обратившись к Скругу. — А какое было любящее сердце!

— Да, вы правы! Боже упаси, чтобы я сказал что-нибудь против нее.

— Но она, кажется, умерла уже замужем, и от нее остались дети?

— Да, один.

— Ваш племянник?

Скругу стало как-то неловко, и он ответил коротко: «Да».

Они вышли из школы. Веселые, праздничные толпы бродили по улицам, время уже клонилось к вечеру. Они остановились перед одной вывеской, и призрак спросил Скруга, знает ли он ее.

— Как же не знать! Да я здесь был в учении. — Они вошли. За столом сидел старый господин, такой высокий, что если бы еще несколько вершков, казалось, он достал бы до потолка.

— Боже мой, мой старый добрый хозяин! — Высокий господин встал из-за стола, посмотрел на часы и затем потер себе руки, поправил галстук, улыбнулся и вскричал густым веселым басом:

— Эй, Фома, Петя!

Прежний Скруг, теперь уже молодой человек, взошел быстро в комнату вместе со своим товарищем.

— Фома, Боже мой! — сказал Скруг. — Да, это он. Как он любил меня, бедный Фома.

— Ну, дети, — сказал хозяин, — сегодня не до работы, и пора подумать о вечере, закрыть ставни, все убрать, вынести все лишнее. — И, прихлопнув в ладоши, прибавил: — Живо!

Все было готово в одно мгновение: столы вынесены, пол подтерт, свечки зажжены и ожидали гостей.

Гостей было очень много. Все они входили — кто смело, кто с робостью, кто неловко, кто жеманясь; но для всех нашли место, хотя, может быть, и не совсем просторное. И вот пошли пара за парой взад и вперед, вправо и влево, кружатся и раскланиваются, кто с важностью, кто вприпрыжку. Молодой Скруг увивался около дам; сам старик-хозяин и хозяйка не пропускали ни одного танца и неумолимо выделявали все па. Казалось, все они разучились ходить попросту и только и умеют, что прыгать. Все это время беспрестанно разносились всякие закуски и прохладительные лимонады, красная вода, конфеты, пастила, пряники и орехи. Наконец, пробило двенадцать, и гости начали расходиться. Хозяин и хозяйка стали у двери провожать гостей. Много было рукопожатий, много поцелованных ручек и добродушных пожеланий, чтобы так же весело провести и остальные дни праздника. Наконец, все распрощались, приветствия и чмоканья кончились, и в комнате остались только два молодых человека.

Во все это время Скруг был как бы вне себя, вся его душа была в том, что он видел, и со своим прежним собою. Все пред ним ожило, и всем он наслаждался, как будто прежний двадцатилетний юноша. Он был в неопи-санном волнении и опомнился, когда они были уже одни и вместо светлых улыбающихся лиц молодых людей глаз его встретился с прозрачным взглядом призрака. Светящаяся диадема на голове блистала ярче, чем когда-либо.

— А как малого стоит, — сказал он, — сделать весь этот пустой народ счастливым.

— Малого? — отвечал Скруг, задумавшись.

Призрак дал ему знак, чтоб он вслушался в разговор двух молодых людей, которые вышли в соседнюю комнату и рассыпались в похвалах своему доброму хозяину, а затем продолжал:

— Он не истратил и сорока рублей, есть из-за чего расточать ему такие похвалы!

— Не в том дело, — сказал Скруг, разгоряченный замечанием, и, забывшись, говорил совершенно как прежний, давно отживший он. — Не в деньгах дело: всякий человек может сделать зависящих от него счастливыми и несчастными, сделать для них всякий труд, легкий или тяжелый, удовольствием или тягостным источником болей. А это счастье, которое он разливает, так же драгоценно, как если бы оно стоило ему половины его состояния.

Он почувствовал на себе взгляд призрака и остановился.

— В чем дело?

— Ничего особенного: я сейчас подумал о своем писаре и хотел бы сказать ему несколько слов.

В это время взошел прежний он и погасил свечи. Стало темно, и снова они очутились где-то, но где, сначала Скруг не мог разобрать.

— Мне остается немного времени, — заметил его вожатый. — Скорей!

И с этими словами прежний Скруг уже стоял перед ними. Он был теперь мужчина в зрелом возрасте, черты его лица еще не огрубели, как в позднейшие годы, но уже носили на себе печать заботы и страсти к золоту. Заметно было какое-то беспокойное, нетерпеливое движение в глазах, которое показывало, что семя страсти уже брошено и будущее дерево скоро заглушит под своею мертвящею тенью всякое другое человеческое чувство.

Он не был один; возле него сидела молодая девушка с румяным, свежим личиком и в траурном платье. В глазах ее блестели слезы, точно росинки на восходе солнца. У окошка сидел старик-отец и, казалось, был углублен в чтение какой-то книги.

— Вы сами, может быть, того еще не чувствуете, но другое земное божество вам заменило меня; дай Бог,

чтобы оно дало вам те же радости, какие мое сердце обещало... — сказала она с какою-то нежною грустию.

— Что за земное божество? — спросил он.

— Золото, — отвечала она.

— Таков всегда бывает свет, — продолжал он, — ничто не бывает так завистливо, как бедность, и ничего не обвиняет она так строго, как всякое искание богатства, и особливо когда оно успешно. — Он уже не мог понять, как эти слова раздирали сердце бедной девушки.

Но она отерла глаза и продолжала с кротостию:

— Я знаю, теперь для вас одна цель и надежда жизни: золото и поклонение людей пред тем золотым кумиром, который вы создадите из себя. Я видела, как все ваши лучшие внушения души, благородные порывы мысли вяли и блекли один за другим под холодным дыханием золотого идола.

— Так что же? Если я и стал во столько благоразумнее, я, кажется, не переменялся к вам. — Она покачала головой. — В чем же?

— Уже прошло много времени с тех пор, как мы обещаны друг другу и покойная мать моя благословила нас. Мы были одинаково бедны тогда, но довольны своею судьбой. Вы с тех пор стали богаты, я не так бедна, как прежде, но осталась та же, а вы переменялись. Тогда вы были другой человек.

— Я был тогда ребенок, — сказал он с нетерпением.

— Ваше собственное чувство говорит вам, что вы не тот, что были, — продолжала она. — То, в чем вы готовы были положить все блаженство вашей жизни, теперь уже далеко от вас... Я долго думала об этом и не стану повторять, чего оно мне стоило. Но довольно, что я убедилась в этом и готова возвратить вам ваше слово...

— Но разве я показал вам в чем-нибудь, что я...

— В словах — нет.

— Так в чем же?

— В том, что для вас — другие надежды, другая цель и другое поприще жизни, а с этим изменилось и все, что заставляло вас дорожить моею любовью. Скажите откровенно, не будь ничего прежде между нами, не будь данного слова и родительского благословения над нами, пришли бы вы теперь просить моей руки?

С этими словами она поглядела на него с такою грустью, но вместе с таким спокойным, прозрачным, проникающим душу взглядом, что ложь была невозможна, — и он замолчал.

— Чего бы я ни дала, чтобы думать иначе, — продолжала она, — то Бог один ведает, но я знаю свой долг. Будь вы свободны, вы не отдали бы руку бедной девушке, которая не принесет вам ничего, кроме забот и лишних издержек. И даже если бы вы уступили минуте увлечения, не принес ли бы вам следующий же день раскаяние и упреки в вашей слабости? Бог да благословит ваше будущее; возвращаю вам ваше слово от чистого сердца во имя того, которого оно любило и кого уже нет более.

...Вдруг все исчезло.

— Призрак! — сказал Скруг. — Я не хочу больше твоих видений, веди меня домой, что за радость тебе мучить мою бедную душу?

— Еще одну тень, — сказал Дух.

— Будет, умоляю тебя!..

Но противиться было нечего. Призрак схватил его за руку, и они очутились в комнате, не очень большой и убранной не с особенною роскошью, но все в ней говорило о семейной жизни, довольстве и счастии. Подле камина сидела молодая прекрасная девушка, едва вошедшая в тот счастливый возраст, где сходятся все светлые лучи нашей жизни в одно радужное сияние, когда душа еще не рассталась с благоухающей прелестью и веселой беззаботностью детства, но уже видит перед собой другие, более зрелые образы и просится в

иной мир, к иным радостям, и все ей так светло и радужно в туманной дали... Она до того *была* похожа на девушку, которую мы сейчас только оставили, что Скруг уже готов был принять ее за то же видение, только моложе и прекраснее, но вошла мать, и он узнал в ней свою бывшую невесту. В комнате шум был страшный, в ней было больше детей, чем Скруг мог перечесть в своем замешательстве, и каждый шумел и кричал по-своему, но остановить было некому. Видно было, что ради Светлого Воскресения мать оставляла их веселиться и встречать его по-своему. Она весело улыбалась, следя за ними глазами, а молодая девушка наконец не высидела, встала и начала бегать вместе с детьми. Но вот зазвенел колокольчик; все бросились к двери, кто первый поцелует воротившегося отца и скажет ему веселое «Христос Воскресе». За ним шел старый слуга с корзиной игрушек, фарфоровых, восковых и всяких яичек. Пошли новые радостные клики. Кто дергал отца за полы платья, кто карабкался к нему на шею, кто тасил к матери, чтобы показать во всем торжестве новую полученную игрушку. Наконец все эти маленькие курчавые головки занялись каждая своим подарком и притихли.

Скруг между тем становился все внимательнее... Хозяин дома, поцеловав и усадив всех детей, обнял с нежностью старшую дочь и сел возле нее и матери у камина. Тогда Скруг подумал, что такое же создание, прелестное и полное надежд, могло бы также назвать его отцом и расцвести весенним благоухающим цветом на зимнем поле его жизни... о! Тогда он тяжело вздохнул, и у него потемнело в глазах.

— Маша, — сказал муж, обращаясь к жене с улыбкой. — Я видел вчера твоего старого приятеля; отгадай, кого?

— Кого же? Право не знаю. Разве, — прибавила она смеясь, — господина Скруга?

— Да, именно, Скруга. Я проходил мимо его конторы, когда выносили гроб его товарища.

— Бедный, теперь он совершенно один на всем белом свете... — и невольная тень набежала на ее лицо.

— Дух, — сказал Скруг дрожащим голосом, — скорей веди меня отсюда.

— Вы сами знаете, что это лишь тени, давно почившего. Чем же я виноват, что оно было так, а не иначе?

— Уведи меня! — вскричал Скруг в отчаянии, — я не могу дольше вынести...

Он повернулся к призраку, но, видя, что тот стоит неподвижно и светящаяся диадема блестит ярче, чем когда-либо, с отчаянием бросился на него, вырвал шляпу и накинул ему на голову.

Но чудесный свет все ярче и ярче светил из-под шляпы, и Скруг после долгой неравной борьбы очутился на своей постели. Он повернулся на бок и крепко заснул.

ГЛАВА III

К

огда он проснулся, снова было темно и било три четверти. Вой часов возвратил его к ожиданию нового гостя. Он собрался с духом и решил храбро выждать будущего посетителя, от-

дернул занавески и в оба глаза смотрел перед собою. Наконец пробило час...

Странный красноватый свет показался из другой комнаты. Скруг долго вглядывался и вслушивался, но ничего особенного слышно и видно не было. Наконец после долгого ожидания к нему очень естественно пришла другая, более земная забота: уж не пожар ли в доме? С этим вместе он надел туфли и подошел к двери, но едва он дотронулся до ручки, как громкий странный голос назвал его по имени:

— Скруг! Позвольте с вами покороче познакомиться.

Посреди комнаты стоял странный светящийся призрак, протянув ему руку. Его накрывала простая белая мантия, но он весь был прозрачен и озарен каким-то странным белым огнем, все его черты беспрестанно изменялись, каждый член и мускул был в непрерывном движении, так что глаз не мог уловить ни одной черты и ни одного движения. Тысяча различных неуловимых образов отражались и проходили как тени в его прозрачном облике, но на всех этих образах чувствовалась какая-то радость и что-то веселое в каждой убегающей линии.

— Я Дух настоящего, — сказал он. — Каждое мгновение уносит меня в вечность и снова возвращает из нее; во мне проходит и отражается все мутное неуловимое настоящее людей со всем их горем и их радостями, чтобы после застынуть в вечность прошедшего... Теперь ты видишь одни радостные, приветливые тени, но потому только, что нет той христианской души на земле, которая бы не радовалась и не приветствовала своего воскресшего Спасителя. О, если бы всегда было такое ликующее настоящее и не менялось ежеминутно светом и тьмою...

— Дух, — сказал Скруг с почтительным поклоном, — ты, я знаю, недаром пришел ко мне; веди же меня куда хочешь! Еще прошлую ночь я следовал за твоим товарищем из одного принуждения, но я получил вчера урок, которому не остаться втуне, и теперь я всюду готов за тобою, чтобы воспользоваться новым уроком.

Дух взял его за руку, и они очутились на улице. Длинные ряды вытянутых во фронт домов смотрели еще скучнее и однообразнее в полусвете рассветающего утра на широкие, пустые, бесконечно длинные улицы. Наконец они вышли на большую набережную. Заря багровела на небе и багровым румянцем покрывала ледяные громады, которые с треском и громом нес на себе широкий и могучий, как море, разлив большой реки.

Долго и в странном раздумье стоял Скруг над рекою. Может быть, впервые после стольких лет взглянул он приветливо на Божий мир, и, может быть, никогда еще не казался ему этот Божий мир так чуден и светел... Светлей и благодатней казалось солнце, прозрачней, чище, благословенней небеса... И как мелки, как ничтожны показались ему тогда все богатства и все золото людей, в котором еще недавно он полагал всю свою душу, как отворотился он тогда от этих пышных палат, которым еще недавно так завидовал.

Но солнце было уже высоко, и они пошли далее. Вожатый Скруга остановился у небольшого низенького флигеля. То было жилище Федора Ивановича Кричева, секретаря Скруга.

— Подумайте только о том, господин Скруг, — заметил с улыбкою призрак, всходя на порог, — ваш секретарь получает только 30 рублей в месяц, и мы удостоиваем его чести нашего посещения.

И вот они невидимками вошли в переднюю большую комнату.

Хозяйка, чисто, но бедно одетая, в не раз перешитом платье и в белом накрахмаленном чепчике накрывала на стол с одною из своих старших дочерей, а г-н Петр Кричев тревожно ловил зубами концы отцовского длинного воротничка, в который его нарядили для праздника.

— Что же это сделалось с нашими? — сказала Матрена Васильевна, — с вашим отцом, маленьким Степой и Марфой?

— Мама, Марфа пришла! — кричали маленькие дети.

— Бог с тобой, что ж ты так запоздала, Марфута, — говорила мать, целуя ее и снимая большой платок с головы.

— Столько было дела, чтобы сделать всю работу к празднику, матушка.

— Ну Бог с тобой, садись у печки и погрейся.

— А вот и батюшка идет, — кричали маленькие дети. — Марфуша, спрячься, спрячься!

Она спряталась, и вот вошел наш знакомый Федор Иванович. Когда-то синий, а теперь уже поседелый сюртук был вычищен до невозможности; на руках он нес маленького Степу, но увы: у бедного, еще крошечного Степы маленькая деревяшка моталась вместо ноги.

— Но где же Марфа? — сказал отец, оглядываясь.

— Еще не приходила! — кричало несколько человек.

— Как еще не приходила! — и как бы тень прошла на его веселом, дотоле беззаботном лице.

Марфуша это заметила, и ей стало больно, что, хотя в шутку, огорчила отца; и, не дожидаясь более, выскочила из-за двери и бросилась к нему в объятия; а меньшие дети возились между тем около Степы и тащили его в кухню, чтобы прислушаться, как шипело пирожное в горшке.

— А как вел себя Степа в церкви? — спросила мать.

— Он был золото, а не ребенок; и какие странные мысли иногда бродят у него в головенке... Шедши домой, он мне сказал, что, верно, тем, кто был в церкви, весело было вспомнить, глядя на него, маленького калеку, о Том, кто возвращал зрение слепым, ноги и руки хромым и увечным. — Голос отца дрожал, когда он это рассказывал, и задрожал еще более, когда слышался частый стук по полу маленькой деревяшки.

Кричев заворотил рукава, как будто эти рукава могли еще более засалиться, и начал мешать какую-то подливку к жаркому. Петруша чистил картофель, Марфа перетирала тарелки. Сам Кричев взял к себе маленького Степу и посадил возле себя на конце стола. Меньшие дети расставляли всем стулья, не забывая в том числе и себя, и, рассевшись по местам, едва не проглотили ложки в ожидании, когда им достанется тарелка горячей вкусной похлебки. Наконец все было готово, молитва прочтена, и сели за стол. Когда похлебка была съедена,

принялись, разумеется, не мешкая, за жаркое. Последовало еще каких-то два блюда, одно, кажется, молочное, а другое — сладкий пирог, и затем обед был кончен. Все были сыты донельзя, и каждый был доволен и счастлив, как только могут быть счастливы на этом свете; и, начиная с отца до самого Степы, каждый по-своему благодарил мать и рассыпался в похвалах ее искусству.

Со стола было убрано, поданы были пряники, изюм и орехи, а Петруша поставил перед отцом бутылку наливки.

— Счастливо провести всем нам праздник, мои дорогие; да благословит Господь каждого из вас.

Каждому была налита наливка, смотря по его летам, и все отвечали в один голос на поздравление отца.

— Бог да благословит каждого из нас, — повторил маленький Степа после всех.

Он сидел рядом с отцом на высоком маленьком стуле. Отец держал его за маленькую сухую ручонку, как будто боялся, что его скоро отнимут у него.

— Дух, — сказал Скруг с участием, которого, может быть, никогда еще не чувствовал. — Скажи мне, будет ли жить маленький Степа?

— Видел ли ты, как черный ворон опустился на трубу, когда мы подходили, и жалобно прокаркал три раза? Если будущее не изменит то, что приготовила неизменно текущая река жизни, этому ребенку не жить.

— О нет! Скажи, что его пощадит судьба!

— Говорю тебе, что если не изменит будущее, ему не видать больше ни одного из моих светлых братьев. Да что же, — продолжал Дух, — если ему суждено умереть, то чем скорее, тем лучше избавить общество от излишка народонаселения и бедную семью от лишнего бесполезного члена, которого она должна кормить и содержать.

Скруг повесил голову, когда услышал свои обычные слова, повторенные Духом. Он весь был полон раскаяния и горького чувства.

— Человек, — продолжал Дух, — если только в тебе есть человеческое сердце, а не камень, останови твою грешную мысль и грешное слово, пока ты не узнал, где излишек, и в чем он, и есть ли что лишнее у Господа!

— Здоровье господина Скруга, — сказал господин Кричев. — Все-таки на поверку он виновник всего праздника,

— Вправду виновник праздника! — сказала жена его, вся покрасневши. — Разве потому, что он отсчитывает тебе твои трудовые тридцать рублей, да, кажется, они вовсе не даром тебе достаются! Я бы желала, чтобы он был здесь: уж я бы насказала ему!..

— Вспомни, душа моя, — сказал Кричев, покачав головой, — Светлое Воскресение!

— Так пью же за его здоровье, — но в честь твою и Светлого праздника, а совсем не его. Много лет ему здравствовать и во всяком благополучии.

Дети выпили также за его здоровье. То была первая минута во всем dniu, в которую не было более того радушного веселого вида на всех лицах. Степа выпил последний, но и тот как-то с неохотой за здоровье такого недоброго человека.

Имя Скруга было страшилом для всей семьи: его достаточно было, чтобы каждый от мала до велика почувствовал себя в дурном духе на целые десять минут. Но зато после этих десяти минут они стали еще вдесятеро веселее оттого только, что с души отлегло противное имя Скруга.

Потом отец начал рассказывать, что он имеет в виду место для Петруши, которое будет ему приносить два целковых в месяц. При этом маленькие Кричевы подняли страшный хохот от одной мысли, что Петруша скоро будет деловым человеком; и сам Петруша в глубоком размышлении выглядывал из-за огромных воротничков, рассчитывая, какое сделать употребление из таких огромных доходов. Марфа, которая была в учении в

швеех, также рассказала про свое житье-бытье. Между тем беспрестанно щелкали орехи, заедаемые пряниками, а иногда маленький Степа запевал тоненьким голосом про маленького мальчика, которого занесло снегом; у него был маленький жалобный голосок, но, право, он пел совсем недурно.

Во всем этом не было ничего особенного. Семья эта не отличалась красотой, в детях не было ничего особенно милостивого, все они были дурно одеты, у кого на башмаках или на локтях были заплатки, — но они умели быть счастливыми, были довольны собой и друг другом и благодарны судьбе за то немногое, что она давала им, не завидуя тем, кто имел больше. Казалось, что маленький кружок становился все веселее...

Наконец Скруг почувствовал на себе легкое прикосновение своего товарища. Уходя, он не раз оглянулся на каждого, а особенно на маленького Степу.

Дух спешил далее и велел Скругу держаться крепче за его мантию; и вот они понеслись вдоль долины все дальше и дальше, и наконец завиднелось море, и к ужасу Скруга, пока он успел оглянуться, земля уже осталась за ними. Кругом видны были лишь темные ряды высоких скал, а страшный прибой волн белыми валами крутил, бил и ревел среди отмелей и надводных пещер.

На одной из этих страшных пустынных скал стоял одинокий маяк. Но даже и здесь два сторожа, приставленные к маяку, развели в небольшой комнатке, помещавшейся в стенах его, огонь больше обыкновенного, который бросал сквозь узенькое окошко светлую длинную полосу вдоль скачущих волн и освещал их белые гребни.

Они сидели за большим столом посредине и пили за здоровье друг друга и в честь Светлого праздника.

Но, к великому удивлению Скруга, пока, прислушиваясь к завыванию ветра, он вдумывался в торжественность минуты, когда он несся среди безмолвного мрака над зияющей бездной, вдруг раздался рядом с ним

веселый громкий хохот. И еще больше было его удивление, когда он узнал в нем голос своего племянника и увидел себя в теплой, ярко освещенной комнате. Дух стоял рядом и насмешливо улыбался ему, приветливо глядя на его племянника.

— Ха-ха-ха! ха-ха-ха? — смеялся племянник Скруга. Мы уверены, что нет другого человека в мире с таким радушным, звонким смехом от всей души, как этот племянник господина Скруга.

— Право, говорю вам, — кричал, задыхаясь, Скругов племянник, — право, он сказал мне, что Светлое Воскресение — «все пустяки», и что он всех бы нас, кто его празднует, повесил на одной осине!!!

— Тем хуже и стыднее для него, Дмитрий, — сказала наконец его жена с негодованием.

Она была очень хороша собой, но еще более мила, чем хороша.

— Одно только можно сказать про него: что он пресмешной, брюзгливый старикашка! — продолжал ее муж. — Впрочем, он сам себя довольно наказывает, так что мне еще быть против него, право, грешно.

— Он, должно быть, очень богат, Дмитрий. По крайней мере, ты мне всегда так говорил, — заметила его жена.

— Что нам за дело до этого, моя милая. Его богатство при нем и ему самому не впрок; он не делает с ним добра ни себе, ни другим, сам живет как последний нищий и даже не имеет утешения думать, что это богатство когда-нибудь хотя другим пригодится — нам с тобой или нашим будущим детям, — потому что он никого не любит, и нас не больше других. А к тому, что я уже сказал о дядюшке Скруге, прибавлю еще, что если он отказывается от нашего общества, то потеряет, кроме обеда, еще несколько веселых часов, которых ему уже не возвратить, и несколько веселых, добрых товарищей для праздника, каких ему не отыскать с фонарем на улице или в

своей пыльной норе. Впрочем, хочет он или не хочет, а я буду каждый год поздравлять его с праздником и приглашать к себе, потому что он мне просто жалок. Пусть себе он зовет Светлое Воскресение пустяками и смеется надо мной сколько душе угодно, но он не мешает мне год за годом в срок являться к нему и с тем же веселым лицом просить к себе на Светлое Воскресение. Хоть бы удалось мне когда-нибудь настроить его, чтобы он оставил после себя какую-нибудь тысячу рублей своему бедному секретарю! Впрочем, кажется, вчера мне уже удалось разжалобить его почти до слез.

При мысли о плачущем Скруге он снова готов был хохотать по-прежнему, и вся веселая компания вслед за ним.

Между тем был подан чай, а после чаю была музыка, потому что все они принадлежали к так называемой музыкальной семье. Молодая хозяйка играла очень недурно на фортепиано и между другими мотивами сыграла одну простую небольшую арию (которую часто певало когда-то дитя, которое приезжало за молодым Скругом, чтобы взять его из школы). Песенка эта, казалось, была так проста и такой безделицей, что всякий мог бы насвистать ее в две минуты, но когда прозвучали перед Скругом эти родные, так давно не звучавшие душе его звуки, тогда все, что воскресило для него эти две ночи, снова проснулось перед ним, живее и ярче, чем когда-либо... Слезы невольно навернулись на глаза, и ему стало так легко на душе... И он подумал тогда, что если бы в старые годы он чаще прислушивался к этим звукам, то он иначе бы устроил свою жизнь, для иного счастья и иных радостей...

Не весь вечер был, однако же, посвящен музыке. Потом пошли фанты, игра в вопросы и ответы, шарады, загадки и пр., и во всех этих играх, к скрытой радости ее мужа, всех милее загадывала и отвечала молодая хозяйка, хотя ее сестры и кузины были также очень остроумные девицы. Всех их было человек двенадцать, старых и

молодых, считая в том числе и Скруга, и Духа, который никогда не был ни стар, ни молод. И все они, старый и малый, принимали живейшее участие в игре, и даже Скруг, забывая, что он тут невидимка и голос его не может быть слышен, до того увлекся общим веселием, что иногда сам предлагал загадки и ждал очень просто-душно ответа; или отгадывал за других, и часто очень удачно. По природе Скруг был очень остроумен и, как видно было, еще не успел притупить всех своих общественных способностей.

Его вожатый был очень доволен своим товарищем, видя его в таком веселом расположении духа, и уже спешил далее, но Скруг, как ребенок, начал упрашивать его еще погодить хоть крошечку, пока не разъедутся гости. Но на это он получил строгий ответ: «Нельзя».

— Вот новая игра, еще хоть полчасочка, умоляю вас!

То была игра в «да и нет». Его племянник должен был что-нибудь задумать, все другие отгадывали, а он отвечал: да или нет. И вот посыпались на него отовсюду сотни вопросов, положительно утверждавших, что он теперь думал о звере, и скорее, о лютом звере, который иногда ворчал и огрызался, а иногда и говорил; и живет в одном городе с ними, но однако ж не в зверинце, и никто его не показывает за деньги; ходит он иногда по улицам, но не на рынок или на бойню; и что это не были ни лошадь, ни корова, ни осел, ни бык, ни тигр, ни собака, ни кошка, ни даже медведь. С каждым новым вопросом такого рода с молодым хозяином делался новый припадок хохота, так что, наконец, он должен был лечь на диван, чтобы отдышаться немного. Наконец одна из сестер его жены, которая была потолще и уже в летах, впала в такой же припадок и закричала сквозь слезы:

— Я нашла, Дмитрий! Я нашла!

— Что же такое?

— Твой дядюшка Скру-у-у-уг! — Действительно, это был он, но на это справедливо заметили некоторые,

что на вопрос: не медведь ли? — следовало бы отвечать «да», тем более что следующего ответа «нет» было бы достаточно, чтобы отвлечь мысль от дядюшки Скруга, если, положим, кто и попал на нее.

— Он, однако же, доставил нам случай немало позавеселиться сегодня, сам не зная того, — сказал племянник, — и было бы великой благодарностью с нашей стороны не выпить за его здоровье.

Все рюмки были тотчас налиты, и: «За здоровье дядюшки Скруга!» — раздались отовсюду.

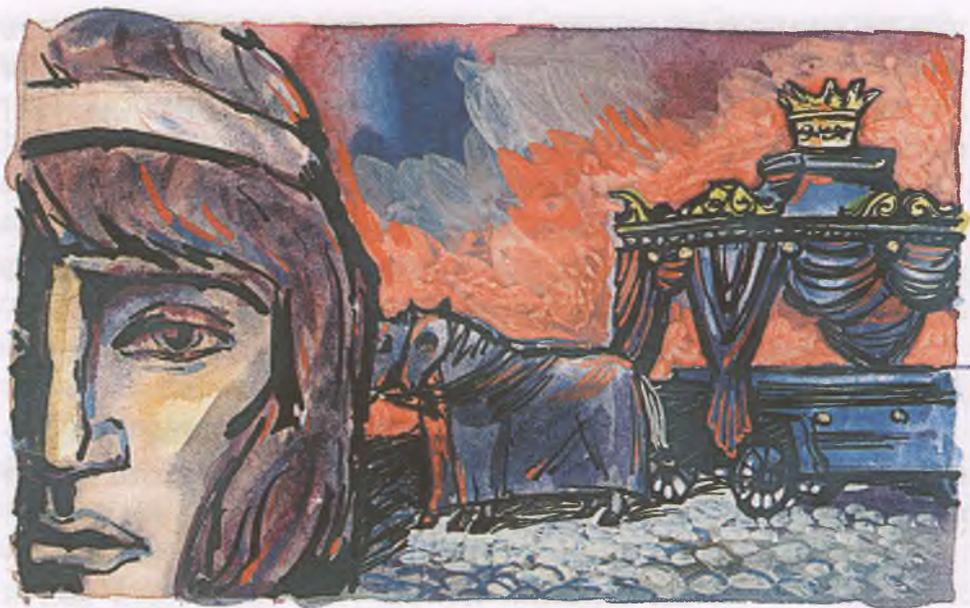
— Весело ему отпраздновать и многие, многие лета, — продолжал его племянник. — Он бы и не принял моего поздравления. Но мы все-таки пьем за его здоровье!

А между тем дядюшке Скругу стало самому так весело и так легко на сердце, что он уже готов был взять рюмку и поблагодарить их громким тостом — что, вероятно, их немало перепугало бы, — но Дух не дал ему времени. Все исчезло с последним словом его племянника, и снова они очутились где-то.

Многое они видели, далеко носились и много посетили всяких жилищ, богатых и бедных. Они входили в работные дома и тюрьмы, где гнездится и черствеет преступление, в притоны развратной нищеты и порока; но и здесь душа, казалось, сбросила, хотя не на долгий срок, черствую кору, в которую ее одела привычка порока...

Долго и с быстротою мысли они носились по темной ночи и влажному воздуху.

Но вдруг пробило двенадцать, Дух и все исчезло; он снова очутился в своей комнате и при последнем ударе колокола вспомнил о предсказании Марлева. Подняв глаза, увидел он перед собой торжественный призрак, окутанный с ног до головы в черный саван, и, как туман стелется по полю, несшийся к нему навстречу.

ГЛАВА IV

Дух приближался тихо, торжественно и безмолвно. Когда он подошел к нему, Скруг невольно упал на колени, ибо в самом воздухе он, казалось, разливал вокруг себя мрак и таинственность. Он весь был закрыт черною мантиею, которая скрывала от Скруга его голову, лицо и фигуру, так что видна была одна повелительно распростертая рука. И если бы не эта рука, то трудно было бы отличить его от густого мрака, в котором он двигался.

Скруг мог разобрать только, что призрак был высокого, величественного стану. Он стоял молча и недвижимо, и его присутствие невольно наполняло Скруга каким-то благоговейным страхом.

— Я перед Духом будущего? — спросил Скруг. Дух не отвечал, но указал рукою вперед.

— Ты мне покажешь тени того, чему еще быть впереди! Так ли, Дух? — продолжал Скруг.

Верхняя часть савана сжалась на минуту в складки, как будто казалось, что Дух кивнул головой. Другого ответа не было.

Хотя Скруг уже успел привыкнуть к обществу духов, но им овладел такой страх перед этой новой безмолвной тенью, что ноги дрожали под ним, и он чувствовал себя едва в состоянии за ним следовать. Дух приостановился на минуту, как будто заметив это и давая ему время оправиться; но Скругу вовсе не было легче от такой благосклонности Духа, Его пронизал какой-то темный ужас при одной мысли, что из-за черного савана на него устремлены два блестящих таинственных глаза..

— Дух будущего! — вскрикнул Скруг. — Я боюсь тебя больше обеих теней, твоих предшественниц; но я знаю: ты пришел ко мне с добрым намерением, и сам я надеюсь быть скоро другим человеком, и потому готов всюду за тобой с благодарным легким сердцем.

Но ответа снова не было, и рука только показала пальцем прямо вперед.

— Веди же, — сказал Скруг, — веди, ночь коротка и время дорого; я знаю это, веди же, призрак.

Дух понесся, и за ним некая другая невидимая сила схватила и повлекла Скруга.

Нельзя сказать, чтобы они вошли в город, потому что, казалось, дома и улицы сами собой вырастали из земли вокруг них и снова исчезали вслед за ними. Наконец они очутились на бирже, среди купцов, которые спешили туда и отсюда, звенели золотом в кошельках, толковали о делах своих или смотрели на часы, перебирая в руках толстые золотые печати. И все так же, как и всегда... и как часто сам Скруг видал такую сцену и бывал в ней актером. Дух остановился пред одним небольшим кружком.

— Нет, — говорил один толстый господин с выпятившимся подбородком, — я хорошенько не знаю этого, только знаю, что он умер.

— Когда умер? — спросил другой.

— В эту ночь, кажется.

— Что с ним такое было? — спросил третий, взяв значительную щепоть табаку из толстой золотой табакерки. — Я уже думал, что он никогда не умрет.

— Бог весть что, — сказал первый, зевая.

— Что сделал он со своими деньгами? — спросил подошедший господин с красным лицом и толстым, сильным, почти висевшим носом, точно у индейского петуха.

— Я ничего не слышал, — сказал, снова зевая, господин с длинным подбородком. — Знаю только, что мне они не достанутся и что на похороны свои он, вероятно, тоже многого не истратит; да и правда: некому пойти на них.

— А что бы нам всем отправиться компанией? — заметил другой, смеясь.

— Я бы пошел, если бы знал, что будет хороший завтрак, — отвечал господин с отвислым носом.

— Да ему и в гробу не соснетя при одной мысли, что угощают нас на его похоронах, когда и от живого никто не видал рюмки водки или куска хлеба закусить поутру, — заметил кто-то.

С этими словами поднялся новый хохот.

Все разговаривавшие, однако ж, разошлись. То были все знакомые Скруга. И он уже собирался спросить у Духа объяснения, что значили эти толки, но призрак понесся далее вдоль улицы.

Скруг увидал себя в отдаленной части города, в которой прежде этого никогда не бывал и знал ее только по ее дурной славе. В одном из закоулков глухого переулка они остановились перед полурастворенною дверью, из-за которой выглядывала старая оборванная фигура, сидевшая на прилавке, а около нее были навалены целые кучи

всяких грязных лохмотьев, ломаного железа, битого стекла и всякой тому подобной дряни.

Скруг и призрак остановились перед дверью в ту самую минуту, как в нее прокрадывалась закутанная в платок женщина с толстым узлом под мышкой. Но едва она взошла, как другая женщина с таким же узлом тихонько прокралась вслед за нею. Казалось, они очень удивились, когда увидели себя друг против друга, но, наконец, кончили громким хохотом, к которому скоро присоединился и сам хозяин.

— Надо же, случай такой, чтоб мы сошлись обе здесь, вот уж судьба так судьба! — говорила одна из них.

— Вы, кажется, не могли встретиться в лучшем месте, — отвечал хозяин, и все мы, надеюсь, старые знакомые!

— Ну, а теперь к делу. Развяжи-ка этот узелок, дядюшка Федорыч, и говори прямо, что дашь.

Узел был развязан, в нем были полотенца, салфетки, несколько серебряных ложек и старых сапог. Дядюшка Федорыч записал на стекле, чего стоит каждая вещь, счел итог и объявил его: «И больше ни полушки, хоть лопнуть; и то много передаю вам из одной учтивости, а будете просить больше, так и этого не дам». Дело было тотчас улажено без дальнейших споров, и деньги отсчитаны.

— Ну, теперь мой узелок, — обратилась к нему другая женщина.

И он вытащил из него какой-то толстый, тяжелый свиток.

— Ну что это? Занавески с постели?

— Да, занавески, — отвечала она со смехом.

— И ты стащила их, пока он еще лежал на ней?

— А почему же нет? Да смотри не закапай его одеяла и рубашку.

— Его одеяла?

— А чьи же бы ты думал? Он и без них не простудится! Да уж нечего перевертывать рубашку, не най-

дешь ни одной дырочки; это самая лучшая, какая была у него, да еще голландская. Они бы ее совсем погубили, если б не я.

— Как погубили?

— Да для похорон, — отвечала женщина со смехом, — кто-то уже хотел надеть на него, да я не дала. Бумажная так же хороша для него.

Скруг с ужасом вслушался в этот разговор.

— Ха-ха-ха, — продолжала женщина, когда деньги были также отсчитаны. — Недаром же он разогнал от себя всех родных и друзей, пока был жив, нам же пригодился, когда умер.

— Дух, — сказал Скруг, дрожа всем телом, — я хорошо вижу, что и меня ожидала та же судьба... моя жизнь вела туда!.. Но Боже мой, что это еще? — и он отошел несколько шагов назад в ужасе.

Сцена переменилась: он стоял возле постели, на которой лежало под покрывалом в лохмотьях холодное, недвижимое что-то, которое довольно говорило о себе, хотя и было безмолвно. Комната была очень темна, и как ни всматривался Скруг по какому-то странному влечению любопытства, но не мог разглядеть ее. Слабый свет из окна падал прямо на постель, и на ней лежал всеми заброшенный, ограбленный, никем не оплаканный труп этого человека... Никто, хотя бы из христианского милосердия, если не любви, не сторожил его и никто не творил над ним молитвы.

Скруг взглянул на призрака: его неподвижная рука указывала на голову. Покрывало было так небрежно накинута, что малейшим движением пальца можно было поднять его и открыть лицо, но его рука была бессильна подняться.

И он подумал: если бы этот человек встал теперь, какая была бы его первая мысль и забота? Деньги, и опять деньги, и грызущая зависть к другому, более наделенному. Но к чему же вы привели его, жадность

богатства и отсутствие всеблагословляющей любви? И он лежит теперь один в пустом, мрачном доме, и нет никого, кто бы мог помянуть его добром и хотя бы в память одного доброго слова принести ему свою любовь и участие в эту последнюю торжественную минуту нашего мутного скоропреходящего века.

— Дух, — сказал он, — это место наводит ужас. Я не забуду его урока. Верь мне. Идем же. Но Дух продолжал указывать недвижимо пальцем.

— Я понимаю тебя, — отвечал Скруг, — я давно думал, но рука не движется и не слушает мысли. — Дух снова посмотрел на него.

— Покажи мне другую, оплакиваемую смерть, — сказал Скруг, — чтобы мне лучше понять все благословение иной жизни.

С этим словом они внезапно очутились в знакомом нам жилище Кричева, где они нашли жену его и детей, сидящими вокруг топившейся печки. Все было тихо, очень тихо; маленькие, обыкновенно столько шумевшие дети, сидели неподвижно в одном углу и смотрели пристально на Петрушу, который держал в руках книгу. Мать и дочери были заняты шитьем.

...И приял отрока, и поставил его посреди их...

Откуда же слышались эти слова Скругу? Не могли же они присниться ему; должно быть, Петруша прочел их, когда они переступали порог; но отчего же он остановился и не продолжал дальше?

Мать положила свою работу на стол и закрыла лицо руками.

— У меня глаза начинают болеть от работы при свечах, — сказала она, желая скрыть слезы от детей.

Нет, не глаза болели у тебя, бедная мать, а эти слова напомнили тебе про твоего бедного Степу, которого Богу угодно было взять от вас!

— Им лучше теперь, — продолжала она, отнимая руку от глаз, — но я ни за что бы не хотела, чтобы ваш

отец это заметил; а ему скоро прийти домой, уже время. — И она принялась снова за работу.

— Да, уже время, — отвечал Петруша, закрывая книгу. — Но мне кажется, матушка, что в эти последние дни он ходит тише обыкновенного.

Несколько минут продолжалось молчание. Наконец, приободрившись, она сказала веселым, хотя и не раз дрогнувшим голосом:

— Однако ж я хорошо помню, что он еще недавно хаживал и очень скоро, да еще со Степой на руках.

— Как же не помнить! — закричал Петруша, а за ним и другие дети.

— Но он был такой легонький, — продолжала она, снова наклонившись к своей работе, — отец так любил его, что ему не тяжело было носить его.

Она пошла навстречу отцу, дети бросились тоже, а двое маленьких взлезли к нему на колени и обняли его ручонками. Он был очень весел с детьми и хвалил лежавшую на столе работу жены и дочерей. Но когда они сказали, что к воскресенью эта работа будет кончена, при слове «воскресенье» лицо его снова омрачилось.

— Да, в воскресенье, — продолжал он, — не забудем пойти на его зеленую могилку; мы часто будем ходить к нему, не правда ли? Я ему обещал, что приду в воскресенье. Мой бедный маленький Степа!

И он не выдержал дольше, и слезы ручьями покапались из глаз, и он вышел в другую комнату рядом, где еще стояла в углу маленькая пустая кровать и заметно было, что еще недавно покоилась в ней, на этих подушках, чья-то маленькая головка.

И долго-долго он стоял над нею, скрестив руки и в тихой молитве, пока успокоил душевное волнение и снова помирился с небом, которое отняло у него его любимого маленького Степу. Он воротился к своим, и они долго еще толковали между собой в семейном кругу. Отец рассказывал про необыкновенную благосклонность пле-

мянника господина Скруга, которого едва раз только видел и который, встретив его на улице и заметив, что он что-то невесел, спросил его, что случилось с ним.

— Тут я рассказал ему свое горе, а он сказал мне: «От души мне жаль вас, господин Кричев, и от души жаль вашу добрую жену», — а как уж он про тебя узнал, между прочим, уж, право, не знаю.

— Что я добрая жена?

— Надеюсь, что это всякий знает, — заметил Петруша.

— Очень ловко замечено, мое дитя, — сказал Кричев. — Надеюсь, что да. И вот он мне дал свой адрес, говоря, что «если только могу чем-нибудь быть вам полезен, вы меня вспомните, пожалуйста, заверните как-нибудь». И не то чтобы он многое мог сделать для нас, но все это было сказано от такого доброго сердца, что, право, нельзя было не порадоваться. Словно он знал бедного Степу и вместе с нами жалел о нем.

— Я уверена, что он добрая душа.

— Да, а если бы ты еще видела его и с ним говорила. И совсем не мудрено, что найду через него другое место, получше, для Петруши.

— Петруша будет скоро уже сам по себе у кого-нибудь в подмастерьях, — сказала одна из девочек, — и важным человеком.

— Будет ли это или не будет, — продолжал отец, — но я уверен, что кому бы из нас ни пришлось расставаться, ни один никогда не забудет бедного Степу. Не так ли, дети? Это ведь было наше первое расставание...

— Нет, никогда! — кричали все в один голос.

— Верю вам, — продолжал отец, — и уверен, что пока мы будем помнить, как кроток и терпелив он бывал всегда, несмотря на страдания, которые ему посылал Господь, и как ни мал он был взят от нас, между нами не будет никогда вражды и ссоры, ибо это значило бы забыть бедного Степу и изменить его памяти.

— Нет, нет, никогда! — кричали снова все в один голос.

— Итак, я снова счастлив, дети, если вы мне обещаете, что Степа, хотя и взятый от нас, будет всегда жить с вами памятью своей любви и кротости.

И с этими словами все бросились к отцу, чтобы обнять его: и мать, и дочери, и Петруша, и маленькие дети...

Бедный Степа, ты умер еще ребенком и не мог еще ничего сделать ни дурного, ни хорошего, но ты был всегда любящ и кроток, и ты оставил за собой в твоём тесном кружке благословение любви и кротости! И этого довольно. Видно, что душа твоя была одна из избранных у Господа Бога!

— Дух, — сказал Скруг, — я чувствую, что нам скоро расстаться, скажи же, кто тот покойник?

Но Дух продолжал идти далее.

— Это мой дом, — сказал Скруг, когда они проходили мимо. — Покажи же мне, что будет со мною?

Дух остановился, но показал рукою в другую сторону.

— Дом мой вон где, — вскрикнул Скруг, — зачем же ты указываешь в другую сторону?

Но неумолимый указательный палец оставался недвижим, и вот они очутились за городом, на кладбище. Дух остановился между гробниц и указывал на одну из них. Скруг следовал за ним, дрожа всем телом. Призрак, казалось, остался тот же, но его походка получила новую страшную торжественность.

— Прежде чем я подойду ближе к этому камню, — сказал Скруг, — отвечай мне одно: все эти тени — то ли, чему непременно быть, или только то, что быть может? Дела человека приводят его неизбежно к известному концу. Но если он изменит свои дела? Так ли?

Но Дух оставался по-прежнему недвижим и указывал пальцем на гробницу. Скруг подполз к ней, дрожа всем телом, и, следуя за пальцем, прочел на заброшенном камне следующую надпись: Петр Скруг.

— Так этот покойник, лежавший на постели, был я? — вскричал он и упал на колени.

Дух тихо повел пальцем на него и потом от него к гробнице.

— Нет, Дух, нет! — Но Дух по-прежнему недвижимо указывал на камень. — Дух! — вскричал он, цепляясь за его саван, — выслушай меня: я больше не тот человек, что был, и я не буду больше тем, к чему вела меня моя грешная жизнь. И к чему было давать мне твой строгий урок, если для меня нет больше спасения? И в первый раз рука Духа задрожала.

— Добрый Дух, — продолжал он, пав ниц перед ним, — я знаю, что твое сердце говорит за меня. Обещай же мне, что я могу еще изменить эти тени, изменив свою жизнь.

Рука Духа дрожала.

— Я буду, обещаю тебе, строго соблюдать все праздники и от всей души воздавать всю должную честь Светлому Христову Воскресению! Я отдам свою жизнь, чтобы сделать, по мере сил моих, вечное Светлое Воскресение для моих страждущих братьев! Я буду жить вами, настоящее, прошедшее и будущее, ибо каждый из вас, благодетельные Духи, открыл мне новое, неведомое мною дотоле Божие благословение в жизни; и уроки всех вас, благодетельные Духи, осветят и поведут за собой остаток моих дней на искупление всего, что доселе прожито мною в слепоте души и разума. О скажи мне, что я могу еще смыть с человеческого будущего тот страшный конец, к которому вела меня моя грешная, слепая жизнь!

И в своем отчаянии он схватил за руку призрака. Призрак хотел освободиться, но тот судорожно держал ее... Между ними завязалась борьба.

И он проснулся, стоя на коленях, с поникшей головой и с теплой, еще не остывшей молитвой на устах, чтобы небо сжалилось над его грешной душой и благословило ее на подвиг новой, возрожденной жизни...

ГЛАВА V И ПОСЛЕДНЯЯ

И действительно, он стоял на коленях и на своей же постели. Кровать была та же и комната та же, и благодаря Бога время еще его, и будущее в его власти.

— Я начну новую жизнь и искуплю прошлую! — кричал Скруг впросонках и вскакивая. — Благодетельные Духи: прошедшее и настоящее, и ты, грозная тень будущего, — ты осенишь и поведешь за собой мое живое будущее на исправление моей грешной, заранее схоронившей себя души. О Марлев! Мне никогда не забыть твоей услуги! И Светлое Воскресение, над которым я еще недавно так издевался, как мне не благодарить и не благословлять тебя! На коленях благодарю вас, Марлев и Светлое Воскресение!

Все это он говорил дрожащим голосом, всхлипывая и прерываясь на каждом слове, в каком-то странном полусне, в каком-то отрешенном состоянии духа, равно принадлежащем этому и тому миру. Он, казалось, продолжал наяву и с открытыми глазами свой прежний сон, был не в силах освободиться от его оглушающих впечатлений и очнуться на мир действительный, хотя глаза его и были открыты...

Во время борьбы своей с Духом он горько и долго рыдал, и его лицо было еще все в слезах. И как странно было видеть эти слезы на этом огрубелом лице... Но с каждой новой крупной слезою, тяжело и тихо катившейся из непривычных глаз, грудь его дышала вольнее; казалось, отлегалась от нее хотя частица ее давившего бремени и словно небесная роса ниспадала в его отягченную душу. И каждая слеза эта оставляла за собой на очерствелом лице дотоле не замеченную светлую черту, приветливую и улыбающуюся всему дольному Божьему миру, как будто смывая и унося с собою грубую кору, в которую одела эти черты привычка душевного холода.

Он обвел глазами постель и занавесь и радостно вскрикнул: «Нет, благодаря Бога я еще не покойник, занавесь и одеяло еще целы, — и он судорожно схватился за них. — И я сам еще живу и дышу. Тени будущего! Вы еще можете быть рассеяны, как гроззовые тучи уходят с нашего северного неба, рассеянные другим подувшим ветром, из другого, более счастливого, благословенного края. Да, сердце не обманет, не обманет вера в благодать Провидения, которое спасает человека с краю пропасти, когда есть еще для души его хотя одна светлая, чистая минута, которая даст ей крылья...»

Он до того был взволнован, до того был полон всяких борющихся в нем добрых чувств и намерений и горел нетерпением исполнить их и обновить себя, что насилу находил голос для своих слов и мыслей.

И он еще долго оставался недвижим на коленях,

склонив голову и скрестив руки, казалось, в тихой душевной молитве, а слезы продолжали одна за другой тихо катиться и падать у ног его... Наконец он поднял голову: солнце полными праздничными лучами ударило в окно и возвратило его в мир действительный.

— Прочь, тяжелые думы, — сказал он и потрянул волосами на голове, — благодаря Небу, я теперь уже другой человек... — Но на этом слове он остановился... — Другой человек, но где же твое оправдание? И разве не при тебе еще тяжелая вереница той цепи, которую ты ковал себе год за годом? Но будущее еще в моих руках! О, как же должен я дорожить каждым мгновением, чтобы смыть с себя свое прошлое! — И с этими словами он судорожно вскочил.

— Право, не знаю, что с собой делать, — наконец вскрикнул он и засмеялся в то же время, и выделял из себя настоящего Лаокоона, когда принялся второпях натягивать на ноги длинные чулки и завязывал на спине свою фуфайку.

— Право, голова у меня так и кружится, как у пьяницы; я чувствую себя легким, как будто перышко, счастливым, как будто в раю, и весел, как школьный мальчишка! Христос же воскрес всем и каждому, кто бы ни был, Христос Воскресе!

И он подпрыгивал, сидя и ворочаясь на постели так, что доски под ним трещали и крякали; и во все это время, сам не замечая того, продолжал возиться с своим платьем: то вывернет его наизнанку, то наденет задом наперед, то забросит в угол и потом ищет, сам не зная, что делает... Наконец он выскочил в другую комнату и остановился.

— А вот и дверь, в которую вошел Марлев, вот угол, где стоял Дух настоящего, а вот окошко, в которое я смотрел на летавшие тени, — и все это правда, все это было — ха-ха-ха! — и он захохотал изо всей своей мочи, так что самые губы, казалось, удивились такому силь-

ному непривычному движению. — Я не знаю, какое сегодня число в месяце и какой день в неделе! — вскричал он. — Кто знает, сколько я пробыл в мире Духов; я ничего не знаю, я совершенный младенец; впрочем, и не беда! Не лучше ли для меня стать вовсе ребенком и начать жизнь сызнова? Ха-ха-ха!

Но вдруг он был прерван в своих восторгах звоном во все колокола, которые громко и радостно гудели над городом: «бим-бом-бом! дон-дон!» Чудо! Право, чудо!

И он побежал к окошку, отворил его и высунул голову. Нету больше тумана, все так светло и солнечно, светлый праздничный день и здоровый проникающий холод.

И он сошел вниз, отворил дверь и стал на крыльце дожидаться лавочника. Пока он тут стоял и дожидался, нечаянно ему бросился в глаза старинный резной замок у двери.

— Я буду любить и благословлять тебя во весь остаток моей жизни, — говорил себе Скруг, поглаживая его рукою. — Право, чудесный замок, замок, каких нет! И когда вгляжусь в него, точно плут мне улыбается, и с такой честной улыбкой! А вот и петух, ну уж петух! Да, Христос Воскресе, братцы, — и он весело похристосовался с лавочником и с уличным мальчишкой.

— И вправду, петух *уж* был на славу: хорошо, что его убили к празднику. Где уж ему было на ногах стоять? Один зуб перевесил бы на сторону.

— Вот адрес, но то далеко отсюда, на самом краю города, надо будет взять извозчика!

Надо было видеть довольную улыбку, с которой он сказал это. Он самодовольно улыбался, когда давал на извозчика и расплачивался за петуха, и когда положил в руки мальчику целковый. Когда он взбежал наверх и уселся в большое кресло, чтобы отдохнуть, его лицо еще более прежнего расцвело разными самодовольными улыбками...

Но пора уж было бриться. Бриться для него было теперь нелегкой задачей, потому что рука продолжала дрожать у него.

Наконец его туалет был кончен. Он нарядился в свое лучшее платье и вышел на улицу. Отовсюду так и валили толпы народа, и Скруг расхаживал между ними с такой веселой, сладкой улыбкой, казался так счастлив, так приветливо смотрел — только что не в глаза каждому, что несколько человек, совершенно незнакомых ему, повстречавшись с ним, говорили ему: «Не правда ли, какое славное утро! Христос Воскресе!» — и он отвечал им: «Воистину Воскресе!» — и весело христосовался. И много лет спустя Скруг еще любил повторять, что из всех радостных звуков, которые только он запомнил в свою жизнь, не было для него радостнее, как этот первый, невольный, казалось, ничем не вызванный привет от людей, его братьев, его просветлевшей душе, которая, казалось, так и рвалась наружу после долгого плена ее прежнего, черствого, ее притуплявшего существования.

Он недалеко отошел, когда ему повстречался толстый господин, который накануне заходил в его контору с разными благотворительными предложениями и даже не знал, входя к нему, Скруг он или Марлев. Сердце в нем сжалось при одной мысли, каким взглядом его встретит этот почтенный благотворительный господин; но он знал теперь прямую дорогу, которая лежит перед ним, и он не свернул в сторону.

Он ускорил шаг и, взяв толстого господина за обе руки, сказал ему:

— Что, как вы? Надеюсь, что вы вчера успели. Да что же! Христос Воскресе!

— Господин Скруг?

— Да, Скруг! Это мое имя, и я боюсь, что оно не совсем приятно звучит вам, но позвольте извиниться и будьте так добры... — И с этими словами он шепнул ему что-то на ухо.

— Как! — вскричал толстый господин от удивления.
— Да что вы шутите, мой любезнейший господин Скруг?

— Как вам угодно, — отвечал Скруг, — но что до меня, то ни полупушки меньше. И не удивляйтесь этому, я тут плачу зараз свой старый долг за много-много лет и счел, разумеется, и следующие проценты. Так что же, надеюсь, вы не отказываетесь.

— Мой добрый господин Скруг, — отвечал ему его новый приятель и дружески жал ему руку, — право, я не знаю, чем отвечать вам на ваше великоду...

— Пожалуйста, будет! Что до этого! — прервал Скруг. — Только заходите ко мне в контору за векселями. Надеюсь, что вы посетите меня, хоть завтра?

— Непременно, ждите меня!

— Очень, очень вам обязан и благодарю вас, — и они снова пожали друг другу руки.

И долго он в раздумье бродил по улицам без цели и куда глаза глядят, но странно: хотя он был погружен в себя, может быть, более, чем когда-либо, никогда и никакая прогулка еще не доставляла ему такого удовольствия; столько ему было нового в том, что он видал ежедневно и чего доселе не умел видеть. Наткнувшись на маленького спешившего куда-то мальчика, он останавливался, гладил его по головке и христосовался с ним красным яичком. Он не пропустил ни одного нищего, чтобы не остановиться и с вниманием не расспросить его и не наградить его щедрою рукою для праздника, смотря по нужде каждого. Все, казалось, улыбалось ему: люди, улицы, дома... Все казалось по-прежнему, и ничто не могло же так измениться с вчерашнего дня, хотя сегодня и было Светлое Воскресение? Разве он не запомнил за свою жизнь десятки таких же Светлых Воскресений, как самое, бывало, несносное для него время, ибо оно прерывало привычный ход и плавное, ничем не нарушаемое течение его жизни и занятий... Но это оттого, что его душа теперь несла в себе светлую, радушную улыбку и

кроткое любящее чувство ко всему, что только дышит и движется в великом Божьем мире.

Между тем он как-то невольнo и почти сам не зная того все это время приближался к улице, на которой жил его племянник, и вот наконец он в нескольких шагах от его дома. Не раз он повернулся взад и вперед вокруг двери, пока собрался с духом, чтобы подойти и позвенеть в колокольчик.

— Дома барин? — спросил он, когда ему отворили дверь.

— Дома-с, прикажете доложить?

— Нет, незачем: мы с ним хорошие приятели, я взойду и без доклада.

И с этими словами, не дожидаясь долее, он взбежал на лестницу и, повернув замком в столовую, легонько растворил дверь и заглянул в нее.

Хозяин и хозяйка стояли возле накрытого стола и распоряджались какими-то новыми приготовлениями к праздничному обеду. Известно, что молодые хозяева и хозяйки всегда очень заботятся, чтобы все у них было хорошо и в порядке.

— Христос Воскресе, Дмитрий! — закричал Скруг, растворяя дверь и входя.

Надо представить себе все удивление его племянника и племянницы при таком неожиданном появлении.

— Как, это вы, дядюшка?

— Да, это я, ваш старый дядюшка Скруг, и пришел к вам отобедать для праздника, если только вы меня примете... Но позвольте прежде всего с вами похристосоваться, мои дети, как следует для праздника.

И они дружески обнялись, дядя и племянник, и три раза чмокнулись так, что раздалось на всю комнату. И веселый племянник уже начинал хохотать по-прежнему, на радостях... и расхохотался еще больше, когда пришел черед христосоваться его молоденькой жене, которая при этом вся покраснела и смешалась...

Но вот начали съезжаться гости, вот и толстая кузина уже в годах, которая столько хохотала, и старая тетушка в длинной шали. Скруг узнал все лица и со всеми тотчас же познакомился, а с иными успел даже почти подружиться, так все было просто, весело, радостно, ни в ком ни одной задней мысли на другого... И вот после обеда была та же музыка, и фанты, и жмурки, и он чувствовал, кажется, минуту, когда бы, казалось, начаться тем же разговорам про него и той же загадке «Скру-у-у-г», — как действительно и было бы, если бы он своим неожиданным присутствием заранее не оправдал себя и не отвел непременно текущую известным течением реку времени... И он невольно вздрагивал и едва переводил дыхание в такую минуту...

На следующее утро он был уже, как можно раньше, в конторе. И как уж он торопился, чтобы только прийти первому и поймать врасплох Кричева!

Вот бьет девять, а Кричева еще нет; еще четверть, три четверти — а его все еще нет. Скруг нарочно стал у двери, чтобы видеть, как будет подходить Кричев.

Увидав своего грозного хозяина, он уже заранее снял шапку и начал заворачивать рукава, чтобы приготовиться к письму, вынул перо и в одну минуту уже сидел за столом, как будто надеялся нагнать потерянные три четверти часа и этим умилоствовать Скруга.

— А! — закричал Скруг своим прежним сердитым голосом, насколько он только мог под него подделаться. — Что это значит, что вы так опоздали?

— Да, я опоздал немного, извините.

— Все извинять, — проговорил суровым голосом Скруг. — Извольте-ка подойти ко мне, сударь, поближе.

— Это только раз случилось в году и больше не повторится, вчера было Светлое Воскресение...

— А я вот что скажу тебе, братец, — продолжал Скруг, — что я больше терпеть этого не намерен, а потому... — и с этими словами он вскочил со стула и

ударил Кричева по плечу, — я намерен прибавить вам жалованье, сударь!

Кричев весь затрясся и начал понемногу отодвигаться к двери, думая, что ему скоро придется закричать «караул!»

— Ну, так Христос Воскресе, Федя! — сказал Скруг, ударил его снова по плечу, и с таким веселым, улыбающимся лицом, что нельзя было больше сомневаться в истине его добрых намерений. — Христос же Воскрес, мой добрый товарищ, — и с этими словами он обнял еще стоявшего в некотором недоумении Кричева. — Я удвою твоё жалованье и сумею поддержать твою семью; приходи сегодня же отобедать ко мне, и мы вместе перетолкуем о твоих делах. Да разведи-ка огонь побольше и вели привезти дров ещё воза два.

Скруг сдержал своё слово: он исполнил обещанное, и ещё больше, чем обещал. О маленьком Степе мы не знаем хорошенько, остался ли он в живых или нет, но рассказывают некоторые, что Скруг был для него вторым отцом. И он стал хорошим родным, хорошим другом, добрым хозяином, добрым знакомым и добрым человеком, каких только поискать на белом свете. Иные посмеивались, видя в нём такую странную перемену; но он оставлял их смеяться и не обращал большого внимания. Он знал, что нет той истины и того добра на свете, над которыми не нашлись бы люди, чтобы посмеяться; он знал, что такие люди и без того насмеют себе морщины под глазами и у подбородка, и он не прибавит им ни одной морщинки больше. Сам же он выучился зато добродушному открытому смеху, который никогда заранее не состарит ничьего лица и не оставит на нём никакого недоброго следа, и сама душа в нём выучилась светло и весело глядеть и улыбаться всему великому Божьему миру — а это всё, что можно пожелать и каждому из нас.

Он больше не водился с духами по Светлым Воскресениям. Но про него зато все говорили, что никто не

умел быть так весел и счастлив в Светлое Воскресение, как он, что никто не умел так хорошо праздновать его, с таким любящим вниманием и так много делать добра и помогать своему ближнему с той любовью и кротостью христианина, которые требуют, чтобы не ведала наша левая, что подает правая...

Дай-то Бог, чтобы и про каждого из нас мог всякий тоже сказать, что сумеем и мы сделать из каждого Божьего дня Светлое Воскресение каждому последнему из наших страждущих братьев — когда нас только не призовет к нему его строгая нужда... Помните, дал же когда-то такое обещание в своем добродетельном порыве Скруг своему Духу будущего и, как слышно, по мере сил и возможности, сдержал слово. Да обещает то же и каждый из нас тому душевному Ангелу-хранителю, которого он избрал для своего будущего! И да благословит нас на такой подвиг всей жизни Господь наш, всех нас и каждого, большого и малого, как то, помните, раз сказал маленький Степа.

Годержанне

ГЛАВА I	3
ГЛАВА II	13
ГЛАВА III	26
ГЛАВА IV	37
ГЛАВА V И ПОСЛЕДНЯЯ	47

Издательство «ЛЕПТА»
Тел. в Москве: (495) 638-51-60
E-mail: info@lepta-kniga.ru
Наш сайт: www.lepta-kniga.ru
Для писем: 129301, Москва, а/я 44
Высылается бесплатный каталог,
по которому можно заказать и получить
книги по почте в любом уголке России
Все книги издательства «Лепта Книга»
в интернет-магазине
www.ostrovknig.ru

Литературно-художественное издание
Для детей младшего и среднего школьного возраста

Алексей Степанович Хомяков

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ
Сказочная повесть

Ответственный за выпуск **Н. Смирнова**
Редактор **О. Голосова**
Корректор **А. Колодин**
Обложка **А. Иванова**
Компьютерная верстка **О. Букреева**

Подписано в печать 15.08.2010.
Формат 70х100/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная».
Объем 4 п.л. Тираж 6 000.
Заказ №1952.

ООО Издательство «Лепта Книга»
125368, Москва, ул. Барышиха, д. 19

ООО «Бриз»
141014, МО, Мытищинский р-н., г. Мытищи,
ул. Веры Волошиной, д. 46, оф. X

Отпечатано в ОАО «Кострома»
156010, г. Кострома, ул. Самоковская, д. 10

«Светлое Воскресение» —
единственная повесть, написанная знаменитым
православным философом и писателем
Алексеем Степановичем Хомяковым для детей.

В ней рассказывается о величайшем чуде —
чуде преображения человеческой души.

Даже самая чёрствая, самая жестокая,
отвергнувшая свет и милость душа способна
воскреснуть для новой жизни, для подвига
любви и сострадания к ближнему.

Но для этого душа должна прозреть, увидеть
бездну своего греховного падения, мрак,
в который загоняет себя человек своей
жестокостью, алчностью, завистью.

А прозрение возможно лишь
благодаря милости Божией.

Так к ненасытному скряге Скругу в канун
Светлого праздника Христова Воскресения
приходят три таинственных вестника,
которые раскрывают перед ним его прошлое,
настоящее и страшное будущее — и тем самым
переворачивают всю его жизнь...